

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СЕМЬЯХ УЗБЕКИСТАНА

Касимова Комила Акмаловна

**Магистрант, Ташкентский Международный
университет Кимё (KIUT)**

Тел: +998998940939

E-mail: sagatovakomila@gmail.com

Аннотация: В статье представлены результаты сравнительного эмпирического исследования детско-родительских отношений в узбекских и русских семьях, проживающих в Узбекистане. Целью исследования являлось выявление этнокультурных различий в родительских установках, эмоциональном отношении родителей к старшему ребёнку, а также в характере ролевого восприятия и уровне сиблинговой ревности. В работе использовался комплекс психодиагностических методик: опросник родительских установок А.Я. Варга – В.В. Столина, шкала родительского принятия-отвержения PARQ (Р. Ронер), опросник ролевого восприятия (Qian et al.), а также методика ценностных ориентаций М. Рокича. Дополнительно применялся метод полуструктурированного интервью. Выборку составили 60 семей (30 узбекских и 30 русских), имеющих не менее двух детей, старший из которых находился в подростковом возрасте (12–17 лет). Результаты показали статистически значимые различия по шкалам контроля, директивности, требовательности, ролевого давления и эмоционального тепла. Узбекские семьи характеризуются иерархической моделью воспитания с выраженным контролем и высокими ролевыми ожиданиями от старшего ребёнка. Русские семьи демонстрируют более демократичную и диалогическую воспитательную стратегию с акцентом на автономии ребёнка. Полученные данные вносят вклад в межкультурную

психологию семьи и имеют практическое значение для психологов, работающих с многодетными семьями в полиэтнических регионах.

Ключевые слова: детско-родительские отношения, этнокультурные различия, родительские установки, старший ребёнок, сиблинговая ревность, узбекские семьи, русские семьи, межкультурная психология, стиль воспитания, ролевое давление.

Введение. Семья является первичным институтом социализации личности, а характер детско-родительских отношений во многом определяет психологическое развитие ребёнка, формирование его самооценки, эмоциональной сферы и социальных компетенций [1]. В условиях полиэтнического общества Узбекистана, где узбекские и русские семьи сосуществуют на протяжении длительного исторического периода, вопрос о специфике воспитательных практик различных этнических групп приобретает особую актуальность [2].

Несмотря на значительное количество исследований в области кросс-культурной психологии семьи [3; 4], сравнительные исследования детско-родительских отношений в узбекских и русских семьях, проживающих в Центральной Азии, остаются крайне редкими. Большинство работ посвящено либо общим закономерностям воспитания в мусульманских обществах [5], либо особенностям российской семьи без учёта её функционирования в диаспоре [6]. Данный исследовательский пробел и определяет актуальность настоящей работы.

Особого внимания заслуживает позиция старшего ребёнка в семейной системе. В традиционных культурах, в том числе в узбекской, старший ребёнок наделяется расширенными обязанностями и воспринимается как медиатор между поколениями [7]. Исследование того, как данная культурная норма проявляется в родительских установках, эмоциональных отношениях и ролевых ожиданиях, представляет, как теоретический, так и практический интерес.

Цель исследования – выявить этнокультурную специфику детско-родительских отношений в узбекских и русских семьях через сравнительный анализ родительских установок, эмоционального принятия, ролевого восприятия старшего ребёнка и уровня сиблинговой ревности.

Гипотеза исследования: узбекские и русские семьи статистически значимо различаются по характеру воспитательных стратегий, при этом узбекские семьи демонстрируют более высокий уровень контроля, директивности и ролевых ожиданий, тогда как русские семьи – более высокий уровень эмоционального тепла и кооперации.

Методы исследования. Исследование проводилось в 2026 году в г. Ташкент. Применялась смешанная исследовательская стратегия (mixed methods design), включающая количественный и качественный компоненты.

Выборка. В исследовании приняли участие 60 семей: 30 узбекских и 30 русских. Критерии включения: наличие не менее двух детей, старший ребёнок – в возрасте 12–17 лет, оба родителя биологические и проживают совместно. Возраст матерей составил 34–48 лет ($M = 39,6$), отцов – 36–52 года ($M = 42,1$). Уровень образования в обеих группах сопоставим: высшее образование имели 63% узбекских и 71% русских родителей.

Методики. Для оценки родительских установок использовался опросник А.Я. Варга – В.В. Столина (шкалы: принятие, контроль, кооперация, директивность, требовательность). Эмоциональное отношение родителей к ребёнку измерялось с помощью шкалы родительского принятия-отвержения PARQ Р. Ронера (шкалы: тепло/принятие, агрессия/враждебность, пренебрежение, отвержение). Ролевое восприятие и уровень сиблинговой ревности оценивались посредством адаптированного опросника Qian et al. Ценностные приоритеты родителей изучались методом ранжирования ценностей М. Рокича.

Качественный компонент. Проводились полуструктурированные интервью с 10 семьями (5 узбекских, 5 русских). Вопросы интервью охватывали

представления родителей о роли старшего ребёнка, распределение семейных обязанностей, эмоциональную динамику взаимодействия с детьми. Обработка проводилась методом тематического кодирования.

Статистическая обработка. Межгрупповые различия проверялись с помощью t-критерия Стьюдента (при нормальном распределении) и U-критерия Манна–Уитни (при ненормальном). Нормальность распределений проверялась критерием Шапиро–Уилка. Уровень значимости: $p < 0,05$.

Результаты и их обсуждение. Сравнительный анализ показателей методики Варга–Столина выявил статистически значимые различия между группами по всем пяти шкалам (Таблица 1).

Таблица 1.

Средние показатели родительских установок в узбекских и русских семьях

Шкала	Узбекские родители (M)	Русские родители (M)	p-value
Принятие	4,3	4,6	0,041*
Контроль	4,1	3,4	0,018*
Кооперация	3,8	4,2	0,027*
Директивность	4,2	3,5	0,014*
Требовательность	4,4	3,6	0,019*

*Примечание: * – $p < 0,05$; шкала от 1 до 5.*

Узбекские родители демонстрируют достоверно более высокие показатели по шкалам контроля (M = 4,1 vs 3,4; $p = 0,018$), директивности (M = 4,2 vs 3,5; $p = 0,014$) и требовательности (M = 4,4 vs 3,6; $p = 0,019$). Русские родители, напротив, показывают более высокие баллы по шкалам принятия (M = 4,6 vs 4,3;

$p = 0,041$) и кооперации ($M = 4,2$ vs $3,8$; $p = 0,027$). Таким образом, узбекские семьи в большей мере ориентированы на дисциплинарную и нормативную модель воспитания, тогда как русские – на партнёрское взаимодействие.

Анализ данных методики PARQ выявил значимые различия в эмоциональном профиле родительского отношения в двух этнических группах (Таблица 2).

Таблица 2.

Показатели эмоционального отношения родителей (методика PARQ)

Шкала PARQ	Узбекские семьи (M)	Русские семьи (M)	p-value
Тепло / принятие	3,9	4,4	0,021*
Агрессия / враждебность	2,6	2,1	0,044*
Пренебрежение	2,4	2,0	0,038*
Отвержение	2,2	1,7	0,031*

*Примечание: * – $p < 0,05$.*

Русские родители обнаруживают достоверно более высокий уровень эмоционального тепла и принятия ($M = 4,4$ vs $3,9$; $p = 0,021$). В узбекских семьях выше показатели агрессии/враждебности ($M = 2,6$ vs $2,1$; $p = 0,044$) и пренебрежения ($M = 2,4$ vs $2,0$; $p = 0,038$), хотя оба значения в обеих группах располагаются в диапазоне низких показателей. Полученные данные согласуются с теоретическими представлениями об авторитарных стилях воспитания, характерных для коллективистских культур [8].

Опросник Qian et al. позволил зафиксировать выраженные межгрупповые различия в субъективном восприятии роли старшего ребёнка (Таблица 3).

Таблица 3.

Показатели ролевого восприятия и сиблинговой ревности

Показатель	Узбекские семьи (М)	Русские семьи (М)	Значимость
Ролевое давление	4,3	3,7	$p = 0,013^*$
Сиблинговая ревность	2,9	2,3	$p = 0,033^*$
Эмоциональная нагрузка	3,8	2,9	$p = 0,022^*$

Примечание: * – $p < 0,05$.

Старшие дети в узбекских семьях испытывают достоверно более высокое ролевое давление ($M = 4,3$ vs $3,7$; $p = 0,013$) и более выраженную сиблинговую ревность ($M = 2,9$ vs $2,3$; $p = 0,033$). Качественные данные интервью подтверждают эту закономерность: узбекские подростки описывали свою роль как обязательную и нормативно заданную, тогда как русские – как гибкую и добровольную.

Анализ ценностных ориентаций показал, что в обеих группах ведущими терминальными ценностями являются «счастливая семейная жизнь» и «здоровье». Вместе с тем узбекские родители отдают более высокий приоритет ценностям «дисциплина» и «ответственность» в числе инструментальных, тогда как русские – «свободе», «независимости» и «самостоятельности» ребёнка. Это ценностное расхождение непосредственно определяет различия в воспитательных стратегиях, зафиксированные количественными методами.

Полученные результаты в целом согласуются с теоретическими концепциями о влиянии культурного контекста на стиль воспитания [3; 9]. Выявленная иерархическая модель узбекских семей отражает специфику

коллективистской культурной матрицы, в которой семейная группа обладает приоритетом над индивидуальными потребностями её членов [10]. Старший ребёнок в этой системе выступает не просто первым ребёнком, но функциональным агентом семьи – носителем её ценностей, помощником родителей и образцом для младших.

Высокий уровень контроля и директивности в узбекских семьях не следует интерпретировать как отсутствие любви или низкий уровень принятия. Как показывают данные интервью, узбекские родители трактуют заботу через призму ответственности и дисциплины: «Мы любим детей, но любовь – это ответственность». Это согласуется с концепцией «культурно-специфичного принятия» Ронера [11], согласно которой поведенческие индикаторы тепла могут варьировать в зависимости от культурного кода.

Более высокий уровень сиблинговой ревности у старших детей в узбекских семьях объясняется совокупностью факторов: повышенной ролевой нагрузкой, конкуренцией за родительское внимание и осознанием асимметричности распределения обязанностей между детьми разного возраста. Качественные данные подтверждают, что часть подростков воспринимает свою ситуацию как несправедливую, хотя одновременно признаёт её культурную нормативность.

Демократичная модель русских семей в условиях Узбекистана может частично объясняться адаптационными процессами: проживание в инокультурной среде нередко усиливает рефлексию собственных воспитательных практик и способствует большей гибкости. Вместе с тем данная гипотеза требует специального эмпирического изучения.

Ограничения исследования включают относительно небольшой объём выборки, её географическую привязанность к Ташкенту, а также преобладание полных семей с высшим образованием, что ограничивает генерализацию выводов. Перспективным направлением дальнейших исследований представляется лонгитюдное изучение трансформации воспитательных моделей под влиянием урбанизации и глобализационных процессов.

Заключение. Проведённое исследование позволяет констатировать устойчивые и статистически значимые этнокультурные различия в системе детско-родительских отношений узбекских и русских семей. Узбекские семьи характеризуются иерархической, нормативно-контролирующей моделью воспитания, в центре которой находится старший ребёнок как носитель культурных норм и семейной ответственности. Русские семьи демонстрируют демократичную, диалогическую модель с акцентом на эмоциональной поддержке и автономии ребёнка.

Выявленные различия обусловлены не только этническими традициями, но и ценностными ориентациями родителей: в узбекских семьях доминируют инструментальные ценности дисциплины и ответственности, в русских – ценности самостоятельности и свободы выбора. Это подчёркивает необходимость учёта культурного контекста при анализе детско-родительских отношений и разработке психологических программ поддержки семей.

Практическая значимость результатов состоит в возможности их применения в работе психологов и социальных педагогов, занимающихся сопровождением полиэтнических семей, а также при разработке культурно-чувствительных программ психологической помощи детям и родителям в условиях Узбекистана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варга А.Я., Столин В.В. Тест-опросник родительского отношения. – М.: Просвещение, 1988. – 118 с.
2. Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века. – Ташкент: Узбекистан, 1997. – 320 с.
3. Baumrind D. Child care practices anteceding three patterns of preschool behavior // Genetic Psychology Monographs. – 1967. – Vol. 75(1). – P. 43–88.

4. Maccoby E.E., Martin J.A. Socialization in the context of the family: Parent-child interaction // Handbook of Child Psychology. – N.Y.: Wiley, 1983. – Vol. 4. – P. 1–101.
5. Al-Krenawi A., Graham J.R. Culturally sensitive social work practice with Arab clients in mental health settings // Health and Social Work. – 2000. – Vol. 25(1). – P. 9–22.
6. Шнейдер Л.Б. Психология семейных отношений. – М.: Апрель-Пресс, 2000. – 512 с.
7. Triandis H.C. Individualism and collectivism. – Boulder: Westview Press, 1995. – 259 p.
8. Rohner R.P., Khaleque A. Handbook for the Study of Parental Acceptance and Rejection. – Storrs: ROHNER Research Publications, 2005. – 406 p.
9. Hofstede G. Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations. – Thousand Oaks: SAGE, 2001. – 616 p.
10. Кон И.С. Ребёнок и общество. – М.: Наука, 1988. – 270 с.
11. Rohner R.P. The warmth dimension: Foundations of parental acceptance-rejection theory. – Beverly Hills: SAGE, 1986. – 204 p.
12. Qian M., Chen X., Li D. Sibling relationships and parental differential treatment in Chinese families // Journal of Family Psychology. – 2010. – Vol. 24(3). – P. 246–255.
13. Rokeach M. The nature of human values. – N.Y.: Free Press, 1973. – 438 p.
14. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. – СПб.: Питер, 2008. – 672 с.